

В России многое делается исключительно «сверху». Власть «разрешает» и финансирует новые памятники, воссоздаёт старые (разрушенные досоветские памятные сооружения), и при этом молчаливо предполагается, что сама по себе мемориальная деятельность поможет усилить общественное чувство единства, гордость за прошлое и веру в будущее. Вадим Лурье пишет о том, как возникают памятники «снизу». Речь идёт пусть ещё не о памятниках, но о памятных знаках, но они непосредственная материализация памяти.

Вадим Ф. Лурье,

фольклорист,
 автор работ по
 молодёжному сленгу,
 детскому и городскому
 фольклору,
 авторский сайт: www.visantrop.ru,
 Санкт-Петербург,
vadimflurie@gmail.com

Эстетика памяти смерти

О неофициальных памятниках
 Санкт-Петербурга

К официальным памятным местам (ПМ) относятся захоронения на «нестандартных» кладбищах внутри города — в садах, парках и площадях. Самое известное из них — Марсово поле. Уже в их создании отрицается христианская традиция (прежде за оградами храмов и кладбищ хоронили самоубийц). Зато таким местам придаётся новая, пропагандистская функция.

«Частное» убийство во время принятой в культуре, но запрещённой официально дуэли в качестве ПМ обозначалось неофициально. Таких мест в Петербурге два. Это место дуэли А.С. Пушкина (Коломяжский пр., 10) и дуэли К.П. Чернова и В.Д. Новосильцева (Новороссийская ул., 1, парк Лесотехнической академии). В первые годы после смерти

Место гибели студента СПбГУ, антифашиста Тимура Кочаравы на площади Восстания у входа в магазин «Буквоед». Фото 23.11.2005 г.

А.С. Пушкина предпринимались по частной инициативе попытки установки временных знаков, но в силу цензурных запретов место дуэли поэта не было отмечено долгое время. Обелиск был открыт 8 февраля 1937 г.

Причиной второй упомянутой выше дуэли послужил отказ аристократа, флигель-адъютанта В.Д. Новосильцева, сделавшего предложение сестре К.П. Чернова, жениться на ней. Оба дуэлянта получили тяжёлые ранения, от которых скончались. Случилось это в сентябре 1825 г. И уже в 1834 г. место дуэли было отмечено двумя круглыми тумбами, обозначающими место, где стояли дуэлянты «на расстоянии 8 шагов». Это ПМ — самый настоящий неофициальный памятник на месте гибели, просуществовавший в таком виде до 1988 года, когда к 160-летию восстания декабристов по инициативе Лесотехнической академии на месте дуэли установили стелу с надписью. Надо, конечно, сделать оговорку, что в этих случаях фактически отмеча-

лось место смертельного ранения, а не непосредственной смерти.

Вообще городской ландшафт всегда наполнен ПМ гибели, никак специально не обозначенными в качестве таковых. Информация о них передаётся устно, входит в городской фольклор (гостиница «Англетер», связанная с гибелью Сергея Есенина, дворец, где убили Павла I, место убийства Григория Распутина...). Со временем такие ПМ тоже могут акцентироваться (появилась доска в память о Есенине, отмечено место казни декабристов на Кронверкском валу Александровского парка).

Конец XX и начало XXI века в Петербурге сопровождалась всплеском политической активности, которая, как и сто лет назад, принимала порой формы прямого террора. Происходили убийства политических деятелей, представителей государственной власти, бизнесменов и простых людей (нередко — по национальному признаку). И снова идут схожие процессы вхождения ПМ

Эстетика памяти смерти

О неофициальных памятниках
Санкт-Петербурга

в структуру города. Что-то акцентируется (доска на доме, где убили депутата Г. Старовойтову). Какие-то места проявляются эпизодически, в годовщину смерти. Например, на углу Невского проспекта и улицы Рубинштейна, где смертельно ранили М. Маневича), раз в год можно увидеть траурный венок (как сообщили СМИ в 2009 году — «М. Маневичу от Чубайса»). Подавляющее число ПМ гибели обычных жителей на улицах города оформляются сразу после случившегося события, сохраняются недолго и далее остаются в памяти только близких людей.

В этих неофициальных случаях эстетика оформления мест ухода из мира живых лишена дополнительных функций — пропаганды каких-то идей, протеста и пр. И несмотря на то, что оформление диктуется частным волеизъявлением близких, можно фиксировать сложившийся современный некростиль, опутывающий городское пространство. Вот конкретные примеры оформления ПМ уличных конфликтов в Санкт-Петербурге последнего десятилетия.

Можно выделить несколько типов памятных мест: по оформлению — постоянные и временные; по событиям — на месте ДТП, несчастных случаев или убийств, вызвавших общественный резонанс.

Самый массовый тип ПМ на улицах Петербурга, как и практически на большинстве дорог России, — это венки и знаки на месте дорожно-транспортных происшествий.

Когда возник этот обычай, сказать однозначно трудно. Известно, что у некоторых народов отмечались места падения транспорта с горных дорог (например, у дагестанцев — шесты с привязанными тряпочками). Устанавливаются венки родственниками и друзьями погибших, это может быть траурный венок (или лента) на столбе, крест или шина с элементами траурного убранства на обочине. В городской черте, конечно, висят в основном венки.

Власти и предприятия, которые должны содержать дороги в порядке, к этому обряду (а можно говорить именно об обряде памятования) безразличны. Весьма показательна заметка из интернет-газеты

«Фонтанка», текст которой привожу с сокращениями. «В ближайшее время сотрудники Комитета по благоустройству и дорожному хозяйству уберут с обочин городских дорог и нескольких крупных выездных трасс венки и кресты, самовольно установленные родственниками погибших в ДТП пешеходов и водителей. <...> Никакого оскорбительного контекста по отношению к родственникам жертв ДТП эти действия не содержат. Речь идёт всего лишь о борьбе с нарушениями правил благоустройства и приведении города в приличный вид к предстоящему саммиту».

Представители Управления ГИБДД относятся к таким вещам по-милиейски прагматично: «Правилами дорожного движения элементы похоронного ритуала на обочинах дорог не предусмотрены, а по закону что не запрещено, то разрешено. Нас венки с крестами вдоль дорог не касаются, — говорят они, — если же водителей это заставляет вести себя осторожнее, то мы «за!»

Историки говорят, что на обочинах наших дорог венки и рули стали появляться в середине 1960-х гг. Как раз тогда складывалась особая субкультура автостопа и дальнобойщиков — такой своеобразный протест против ограниченного кладбищенской оградой советского офиса. Так что российские венки на обочинах имеют намного более интересную историю, чем, например, французские аналоги. Во Франции на местах гибели людей в ДТП ставят на обочинах чёрные силуэты, разорванные красной молнией. И там это не считается нарушением правил благоустройства». (Интернет-газета <http://fontanka.ru>, 19.06.2006 11:20, адрес <http://new.fontanka.ru/2006/06/19/167385/>.)

Как могли заметить жители Петербурга, если какие-то венки и были убраны, то на общей картине это не сказалось.

На загородных дорогах вдоль обочин мы наблюдаем множество ПМ, отмечающих автокатастрофы. Оформлены они практически, как могилы, и даже с гранитными плитами. В венках могут быть кресты, в полиэтиленовых пакетах — фотографии погибших. Часто используется шина или остатки автомобиля. Но, повторю, это в основном за городской чертой,

в городе ПМ аварии оформляется скромнее, венки крепятся к столбам на уровне глаз или выше.

Иногда ПМ оформляется так, что постороннему не ясна причина гибели. Кто это — жертва ДТП или уличной драки, без обращения в милицейские сводки не понять.

Когда случается убийство, вызывающее широкий общественный или политический резонанс, ПМ временно превращается в неформальный уличный мемориал, у которого могут проходить различные общественные акции памяти убитого. Акции памяти могут принимать форму митинга с обращением к властям. Пик подобных событий пришёлся на середину первого десятилетия 2000-х годов.

Таковы плакаты, выставленные на месте убийства вьетнамского студента Ву Ань Туана: «Мы хотим жить безопасно», «Мы тоже люди», «Почему? Государство нам не помогает?», и граффити на стенах Санкт-Петербургского медицинского университета им. Павлова, ранее 1-го медицинского института: «Ректор, тебе не стыдно?», «Нельзя убить» и др. На месте убийства — букеты цветов.

Место гибели 1 января 2005 года олимпийского чемпиона Дмитрия Нелюбина усыпано гвоздиками, здесь горят церковные свечи, лампады, установлен портрет спортсмена и лист с текстом: «Люди! На этом месте в новогоднюю ночь убили... Русского человека!» (угол улиц Льва Толстого и Рентгена).

Дом, у которого убили антифашиста Тимура Кочарава, члена молодёжной группировки, обозначает граффити на стене: «Тимур, мы всегда будем тебя помнить!» Здесь же портреты, листы с памятными надписями и обращениями к людям. Это единственный случай, когда в мемориальных текстах есть имя погибшего.

Место гибели Салл Самба Лампсара, студента из Сенегала, также украшено цветами и свечами, укреплен портрет убитого, лежат листы с текстом: «Мы, люди из 278 школы, не хотим, чтобы в России победил нацизм!», «Пусть будет вечной память о тебе», «Нацизму — нет!» и др.

Со временем эти памятные места утратили своё немудрёное оформление — граффити закрасили, цветы и свечи убрали. Официально эти места теперь не отмечены, их словно нет на карте города. Но в годовщину событий около них собираются друзья погибших.

Места гибели детей в результате несчастных случаев помимо идеологической и информационной функции (донести до людей, прохожих информацию о случившемся), безусловно, несут и функцию психотерапевтическую. Исчезновение человека становится не столь стремительным — какое-то время он (память о нём) остаётся зафиксированной публично. Фотофиксация такого ПМ показала особенную его визуальную насыщенность:

Эстетика памяти смерти

О неофициальных памятниках
Санкт-Петербурга

цветы, детские игрушки, части детской кровати, расположенные на тротуаре под окном. Вообще расшифровка визуальной составляющей ПМ — тема отдельного исследования.

Существуют случаи неофициального постоянного оформления места гибели простых горожан. На Новосмоленской набережной на столбе освещения установлен памятный знак с текстом: «Прохожий, остановись, сними шапку// на этом месте, вернув к жизни// тонущего в ледяной воде ребёнка,// погиб человек — отец двоих детей,// вечная ему память и слава,// потомкам пример». Место также оформлено венком и железной вазой с цветами. Обращает на себя внимание отсутствие имени погибшего. Без него текст становится более эпическим, как в случае ПМ Д. Нелобина — «...убили русского человека», здесь — «погиб человек — отец двоих детей». История ПМ освещена в выпуске местного телеканала и в виде текста на сайте, приведу его с сокращениями. «Герой Смоленки: память погибшего при спасении ребёнка увековечат спустя 17 мгновений весны. Имя героя, подвиг которого известен жителям Васильевского острова, будет увековечена. 17 лет память была безымянной. На самодельной мемориальной доске было высечено всего несколько слов: «На этом месте, вернув к жизни тонущего в ледяной воде ребёнка, погиб человек, отец двух детей». Теперь неформальный памятник станет официальным. Глава района рассказал: «Вот эта стела будет прикреплена к гранитному парапету, надпись будет видна для всех, кто будет проходить по дорожке. Будет место, куда возложить цветы. И будет отмечена памятная дата»... Тогда, 21 марта 1991 года ... в польные барахтался мальчишка. Из притормозившей машины выскочил мужчина и бросился в воду. Тонущего спас, но сам выбраться не смог... Наталья (очевидец, — В.Л.) рассказала об увиденном мужу. Вячеслав Уголков, как военный, решения принял мгновенно: взял картонку, написал первые пришедшие в голову слова и на следующий день повесил её на месте трагедии. Вот только имени героя он тогда не знал. К фонарному столбу, где висела табличка, люди несли цветы. Но картонный век

недолг. Вдова Александра Рожнова, Татьяна, на место картонной повесила сначала латунную табличку, потом — мраморную. Менялся материал, но слова безымянного для неё автора оставались прежними (<http://www.spbtv.ru/new.html?newsid=912>).

Возможно, и следующий (и последний в обзоре памятных мест Санкт-Петербурга, связанных с гибелью людей) знак на месте гибели станет официальным. Надпись на гранитном камне гласит: «На этом месте 6 сентября 2002 года при задержании преступника получил смертельное ранение старший оперуполномоченный уголовного розыска 70 отдела милиции Шумеев Петр Анатольевич».

Можно заметить, что городское пространство стремится изживать память о негативных событиях, происшедших на улицах. Убийств и несчастных случаев происходит столько, что если пометать все, мы будем передвигаться по аналогу кладбища. Современный человек и так страдает депрессиями и различными страхами, связанными с жизнью в городе. Напоминать ему лишний раз о смерти таких же, как он, может быть жестоко. Например, если на станции метро Сенная разместить мемориальную доску в память погибших от рухнувшего козырька летом 1999 года (погибло 7 человек), спокойствия это пассажирам не прибавит. Пространство парка, как

место прогулок, уединения, размышлений, не отторгает ПМ гибели, они органично смотрятся среди роц и аллей (место гибели Чернова и Новосильцева, памятник погибшим на Гражданской войне в сквере перед оградой Никольского собора). Надеюсь, и Марсово поле, как особое силовое место памяти, соединяющее разные эпохи жизни Санкт-Петербурга, сохранится. Но улицы города, живого организма, нуждаются в подпитке позитивной энергией. Это видится в тенденции создания самостоятельных, неофициальных памятников: погибшему при спасении тонущего ребёнка и милиционеру, погибшему при исполнении служебного долга.

Эти памятные места и памятники можно назвать экстремальными. Судьба их различна. И многое ещё станет известным. Что-то останется только в памяти людей и на фотографиях, что-то обретёт реальные черты официального памятного места. Думаю, что это на пользу городу и его жителям. Но, конечно, хотелось бы, чтобы таких памятных мест и, соответственно, событий, их породивших, впредь было как можно меньше.

